

© 2026. Ю. Н. Сытина

Государственный университет просвещения
г. Москва, Россия

«Искать и не находить»: участие человека XIX в. в «Сильфиде» В. Ф. Одоевского

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда

№ 25-28-01969, <https://rscf.ru/project/25-28-01969/>

Аннотация: Произведения В. Ф. Одоевского интерпретируют преимущественно исходя из философских и эстетических установок романтизма. Подобный взгляд, при его правомерности, порою затемняет и сужает глубинные смыслы творчества писателя, который стремился познать не только человеческую природу как таковую, но раскрыть состояние души, скептицизм и уныние современных ему русских людей. Повесть «Сильфида» рассматривается в статье с учетом магистральных интенций русской литературы XIX в. и в контексте творчества Одоевского, который подчеркивал вред односторонности, в том числе полного отвержения повседневности (даже во имя искусства). При таком подходе герой «Сильфиды» предстает не как исключительный человек, чей побег в мечту демонстрирует апофеоз романтического отвержения пошлой действительности во имя возвышенного мира грез, но как жертва самообольщения и забвения человеческого долга. Выход из духовного тупика, в который забрел ведомый как материалистическими, так и мистическими идеями человек XIX в., Одоевский видел в традиционной для России религии и в активной деятельности на благо отечества и других людей.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, «Сильфида», романтизм, реализм, мистика, религия, культурно-исторический контекст

Информация об авторе: Юлия Николаевна Сытина, кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, ул. Фридриха Энгельса, д. 21 а, 105005 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6334-4722>

E-mail: yulyasytina@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 04.03.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 17.06.2026

Дата публикации статьи: 25.09.2026

Для цитирования: Сытина Ю. Н. «Искать и не находить»: участие человека XIX в. в «Сильфиде» В. Ф. Одоевского // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 3. С. 50–65. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-50-65>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 50–65. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 50–65. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Yuliya N. Sytina
State University of Education
Moscow, Russia

“To Search and Not to Find”: The Fate of a 19th-Century Man in V. F. Odoevsky’s “The Sylph”

Acknowledgments. This work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 25-28-01969, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01969/>

Abstract: The works of V. F. Odoevsky are interpreted primarily from the philosophical and aesthetic principles of Romanticism. This view, while valid, sometimes obscures and narrows the deeper meanings of the writer’s work, who sought to understand not only human nature as such, but also to reveal the state of mind, skepticism, and despondency of his contemporaries. This article examines the story “The Sylph” within the central concerns of 19th-century Russian literature and within the context of Odoevsky’s work, which emphasized the harm of one-sidedness, including the complete rejection of everyday life (even in the name of art). This approach presents the hero of “The Sylph” not as an exceptional individual whose escape into dreamland demonstrates the apotheosis of Romantic rejection of banal reality in the name of a sublime dreamworld, but as self-delusion and the abandonment of human duty. Odoevsky saw the way out of the spiritual impasse into which the man of the 19th century, led by both materialistic and mystical ideas, had wandered in the traditional religion for Russia and in active work for the good of the fatherland and other people.

Keywords: V. F. Odoevsky, “The Sylph,” romanticism, realism, mysticism, religion, cultural and historical context

Information about the author: Yuliya N. Sytina, PhD in Philology, Associate Professor, State University of Education, Friedrich Engels St., 21 a, 105005 Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6334-4722>

E-mail: yulyasytina@yandex.ru

Received: March 04, 2026

Approved after reviewing: June 17, 2026

Published: September 25, 2026

For citation: Sytina, Yu. N. “To Search and Not to Find”: The Fate of a 19th-Century Man in V. F. Odoevsky’s “The Sylph.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 3, 2026, pp. 50–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-50-65>

Князя В. Ф. Одоевского традиционно относят к писателям-романтикам и интерпретируют его произведения преимущественно исходя из философских и эстетических установок романтизма. Такой взгляд продиктован эпохой и общим пафосом художественного и литературно-критического творчества писателя, однако порою подобный подход к его произведениям затемняет их глубинные смыслы и сужает круг возможных интерпретаций. Одоевского, в отличие от многих романтиков, интересовали не абстрактные герои (представители человечества как такового) и не неведомые экзотические страны, но Россия и русские люди, такие, какими они были именно в его время. Писатель стремился не к созданию неких удивительных миров и воспеванию выходящих за рамки обыкновенного сил человеческих, но к познанию человеческой природы, законов мироздания. Даже повествуя о жизни гениев (например, Себастьяна Баха), он обращал внимание не только на их величие, но и на недостатки (притупленную человечность, равнодушие к ближним). Большинство героев Одоевского связаны с Россией, даже если сами они другой национальности и действие произведения разворачивается в Европе: итальянец Киприяно из «Импровизатора» в конце концов оказывается шутом у какого-то русского помещика, рассказчик «Себастьяна Баха» твердо убежден в славянском происхождении композитора, собеседником Пиранези из “*Opere del cavaliere Giambattista Piranesi*” («Труды кавалера Джамбаттисты Пиранези») оказывается русский человек (в первой редакции действие вообще происходит в Петербурге (см.: [Сытина 2025])).

Главным произведением Одоевского по праву считаются «Русские ночи», одна из центральных тем которых — место и роль России на мировой исторической арене, особенности русской ментальности, но главное — состояние души, скептицизм и безверие современных русских людей, тот духовный тупик, в который загнали их засилье рации-

оналистической просветительской философии и утрата традиционной веры. Зачастую этот мотив у Одоевского рассматривают в контексте общеромантических антипросветительских представлений, и тогда его герои предстают оторванными от жизни мечтателями, а сам писатель — туманным теоретиком и мистиком, обитающим в условной «башне из слоновой кости». Но такой взгляд на Одоевского в корне расходится с его личностью как государственного и общественного деятеля, неустанно направлявшего свою энергию на решение конкретных социальных задач и живо интересовавшегося текущей повседневностью русской жизни. В связи с этим перспективно рассмотрение некоторых его произведений, традиционно толкуемых именно в романтическом контексте, с позиций реалистической эстетики. Особый интерес для подобного переосмысления представляет «таинственная» повесть Одоевского «Сильфида». Задача настоящей статьи — посмотреть на ее героя и его историю в контексте не романтической традиции и присущих ей клише, но грядущей русской литературы 1840-х гг. и последующих лет.

Главный герой «Сильфиды» — Михаил Платонович — явный предтеча собеседников и «правдоискателей» из «Русских ночей», размышления и скитания которых, в свою очередь, продолжают «русские мальчики» Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова. Важное отличие произведений Одоевского от многих собственно романтических повестей состоит в напряженном поиске правды жизни, в отсутствии абсолютизации тех или иных ее сторон. По замечанию В. В. Розанова, герой-повествователь Одоевского — «предшественник всех “разговаривающих лиц” у Тургенева, его Лежнева и других, — предшественник философических диалогов у Достоевского» [Розанов: 446].

«Сильфида» отнюдь не обойдена исследовательским вниманием, широк и диапазон ее трактовок. Зачастую ученые понимают ее как «историю добровольного безумия» [Назиров: 42], «поэтизацию исключительных мгновений, намного более ценных, чем долгие годы обывательского прозябания» [Назиров: 44]. Но встречается и иное, мистическое прочтение, в котором *реальное* существование Сильфиды не ставится под сомнение. Такая трактовка во многом исходит из чернового названия цикла — «Повести о том, как опасно человеку во-

даться со стихийными духами»¹, — в котором, на первый взгляд, говорится о буквальном, отнюдь не метафорическом, столкновении со стихийными духами. Такую интерпретацию предлагают Е. А. Романова и Н. А. Паршукова, полагая, что трагическая развязка истории Михаила Платоновича предопределена тем, что он был не подготовлен к общению с Сильфидой. Именно мистическая встреча, по мнению исследовательниц, является «спусковым механизмом всех последующих событий»: «это происшествие и на идейном уровне, и на уровне структуры оказывается в итоге центральным ядром повести» [Романова, Паршукова: 35]. «В тексте нет указаний ни на отчетливое желание героя уйти с помощью книг от серых будней, ни на стремление избавиться от неразрешимых внутренних конфликтов путем погружения в мир фантазий», — утверждают исследовательницы [Романова, Паршукова: 34], однако текст «Сильфиды» свидетельствует о другом.

С первых же страниц повести речь заходит о болезни тела и духа. Михаил Платонович приезжает в свое имение и ищет рассеяния в усадебной жизни (такое начало напоминает «Евгения Онегина» и актуализирует проблему «русской хандры» и лишенной смысла праздной жизни, заданной Пушкиным в романе). Герой Одоевского сетует на печальную человеческую участь — «искать и не находить» [Одоевский 2006: 132]. Он тоскует по высшей истине, горюет по своей непричастности к ней, жаждет великой деятельности, не может примириться с обыденной жизнью и каждодневной рутинной, не находит применения своей энергии в повседневной жизни. Женитьбу он рассматривает как крест на всех мечтаниях, и все достоинства невесты (кротость, милосердие, трудолюбие, любовь к нему) ничуть его не прельщают. Катя — «ангел», героиня «белкинского» типа (А. А. Григорьев), ее все любят и ценят, но достоинства девушки ускользают от беспокойного и жаждущего сильных ощущений Михаила Платоновича (впоследствии герой «Косморамы» Одоевского Владимир также не сможет оценить кроткую Софью, предпочтя ее страстной и яркой Элизе). Михаил Платонович почти готов принести себя в жертву — жениться на Кате, чтобы завершить давнишнюю тяжбу с ее отцом и тем облагодетельствовать своих крестьян. Если интерпретировать повесть рационально (как сумасшествие героя), то именно перспектива скорой женитьбы оказыва-

¹ Одоевский также включил в этот цикл «Саламандру» и так и не написанную «Ундину».

ется толчком к безумию героя. Романтик жаждет бесконечной любви, и, понимая, что на земле она невозможна, устремляется в мир грез.

«Душа рвется, страждет» [Одоевский 2006: 138], — пишет Михаил Платонович практически в каждом письме, но «благоразумный» его адресат не в силах понять этих признаний. Как «человек XIX столетия» Михаил Платонович не знает прямого пути к Богу (окольной дорогой придет к Нему герой «Косморамы»), и находит отдушину в книгах дядюшки о магии, алхимических опытах и каббале. Героя восхищает «живое» отношение алхимиков к науке и к миру, умиляет их благодарная молитва Богу. В них он чувствует сопричастность тому неведомому миру, к которому так рвалась его душа, и, главное, ощущает себя «свидетелем великого», убеждается, что «предназначен к великому», должен «возвестить людям» [Одоевский 2006: 139] о позабытых таинствах природы — тем самым удовлетворяется и тщеславие Михаила Платоновича.

Романтически-тоскливому, а затем поэтически-мистическому энтузиазму главного героя противопоставлены сначала его пошлые провинциальные соседи, а затем «благоразумный» приятель и «ученый» доктор. Если о первых известно из писем Михаила Платоновича, который сначала восхищается, а затем ужасается мелочностью и ограниченностью провинциальных жителей, то с «благоразумным» приятелем читатель знакомится из его же собственных записок, в них появляется и не лишенный пародийности образ доктора (практически все врачи в произведениях Одоевского (в «Насмешке мертвеца», «Космораме», «Саламандре», «Черной перчатке») играют роль рационалистов, претендующих на исчерпывающее объяснение душевного и телесного состояния героев — объяснения безусловно ущербного и потому комичного).

Апофеоз ухода в мир мечты встречается во многих романтических повестях («Блаженство безумия» Н. А. Полевого, «Вальтер Эйзенберг» К. С. Аксакова и др.) и прямо связан с концепцией двоемирия. Яркий, по-своему близкий «Сильфиде», пример, — «Опал» (1833) И. В. Киреевского, в котором могучий царь Нурредин приходит к осознанию того, что счастье состоит не в завоеваниях и не в ратных подвигах на поле боя, но в мире грез, куда переносит царя сделанный кудесником ему же на погибель таинственный опал. И Михаил Платонович, и Нурредин находят счастье в мечте, причем если у Киреевского проводником в дивный мир оказывается перстень с опалом, то у Одоевского — сосуд с водой,

на дно которого положено кольцо. И в «Сильфиде», и в «Опале» присутствуют мотивы чародейства, связи с пленительными волшебными существами: Сильфидой, воздушным духом, и девицей Музыкой, звездой Нурредина. Но коренное отличие «Сильфиды» от «Опала» в том, что у Одоевского речь идет о современном ему человеке и его конкретных душевных «недугах», герой же Киреевского показан обобщенно, его образ овеян легендарностью. И если «Опал» вполне можно интерпретировать как апофеоз мечты, то в «Сильфиде» все гораздо сложнее.

Предрасположенность к мистическому восприятию жизни была у Михаила Платоновича с детства: в письме к приятелю он глухо обмолвился об ундине, которая «утешала» его в «ребячестве», но, ставя опыт, «не желая иметь дела с ее дядюшкою», Михаил Платонович «пожелал видеть сильфиду» [Одоевский 2006: 136]. Упоминание об ундине и ее дядюшке явно отсылает читателей к «Ундине» В. А. Жуковского, поэтическому переводу повести Ф. де ла Мотт-Фуке, которым русский поэт занимался с 1831 г. В 1835 г. появились отдельные отрывки перевода в «Библиотеке для чтения», в 1837 г. «Ундина» была опубликована полностью отдельным изданием. К тому времени Одоевский уже завершил основную работу над «Сильфидой», однако, вероятно, он был знаком с поэмой в рукописи, как и до того — с ее первоисточником. «Ундина» Жуковского дышит христианским мироощущением. Главная героиня вначале предстает как взбалмошная и своенравная девушка, но после венчания обретает человеческую душу и буквально перерождается: становится кроткой, смиренной и всепрощающей. Участь человека, имеющего бессмертную душу, у Жуковского явно выше доли стихийных духов, и последние сами знают об этом:

Нам души не дано; пока продолжается наше
Здесь бытие, нам стихии покорны; <...>
Все, однако, стремится возвыситься: так и отец мой, <...>
Мне, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелал, хотя он и ведал, что с нею и горе
(Всех, одаренных душою, удел) меня не минует.
Но душа не иначе дана быть нам может, как только
Тесным союзом любви с человеком. И, милый, отныне
Я с душою навеки <...>

[Жуковский: 157].

Стихийные духи у Одоевского смотрят на свой и на человеческий удел иначе. Сильфида, уносящая Михаила Платоновича с собой, с презрением отвергает людскую участь, обреченную неполноте жизни. Она несет героя в иной мир, туда, где «нет страдания, нет времени и пространства, нет разрыва между мыслью и выражением», где брат не предает брата и «невинная дева» не гибнет «во власти преступления», где человек свободен от прихотей «слепой, безжизненной природы», которая «в минуту полного ликования человеческой мысли скатывает ледяную лавину и уничтожает и человека, и мысль человека», где «земные страдания превращаются в неизмеримый ряд наслаждений» [Одоевский 2006: 143–145]. В фрагментарных отрывках Михаила Платоновича все исполнено энергией движения, полета, стремительной скачки куда-то вдаль и ввысь, туда, где «другой Рим, другой Тибр, другой Капитолий» [Одоевский 2006: 143], где нет скуки и тлена, где любовь бесконечна и земное бессмертно, где искусство не требует муки, легко рождаясь из души художника.

Михаил Платонович — не человек искусства в строгом смысле слова, он не создает произведений, хотя и пытается петь и рисовать от скуки. Но он артист, поэт по природе (как, например, Илья Ильич Обломов у И. А. Гончарова). Не в силах ни примириться с повседневной рутинной, ни реализовать свой поэтический потенциал, он находит счастье в мечте, где весь мир, даже духи природы, склоняется пред «троном», на котором восседает «мысль человека» [Одоевский 2006: 144]. Важнейшая проблема «Сильфиды» — участь поэта в XIX в., вопрос о ней поставлен уже в эпиграфах. «Поэта мы увенчаем цветами и выведем его вон из города» (Платон), — гласит первый, затем следует прославление поэта в «Преданиях северных бардов»: «Три столба у царства: поэт, меч и закон». А далее следует утилитарный взгляд на искусства, отраженный в «Одной из промышленных компаний XVIII-го века», а затем: «!?!?» — и века XIX-го: «Поэты будут употребляться лишь в назначенные дни для сочинения гимнов общественным постановлениям» [Одоевский 2006: 131]. На последнюю загадку и призвана ответить «Сильфида»: в XIX в. художник утратил свое назначение, разорвал живую связь с миром, но тщетно хочет он восстановить ее путем магии, бегства в мечту, отрывом от жизни (метафорически историю Михаила Платоновича, особенно в контексте последующей русской литературы XIX в., можно пони-

мать и так — как недолжный побег от вызовов насущной действительности¹).

Сильфида дарит герою бесконечную любовь, в ее поцелуе «нет времени — он продолжится в вечность». Сильфида рождает Михаилу Платоновичу «совершенного» сына: «он не ждет попечения отца, он не будит ложных сомнений, он заранее исполнил твои надежды, он юн и возмужал, он улыбается и не рыдает — для него нет возможных страданий» [Одоевский 2006: 145]. Полет, слияние с «прелестной», рождение идеального сына, его гибель и последующее страдание роднит «Сильфиду» с «Фаустом» И. В. Гёте — с историей соединения Фауста и Елены и рождения у них Икара; схожа и тоска, неудовлетворенность земной юдолью, человеческой участью как таковой героев Гёте и Одоевского, по-своему схожи и те силы, к которым они прибегают за помощью, обращаясь отнюдь не к Богу. С Икаром можно сравнить и самого Михаила Платоновича — он возгордился и в беззаветном порыве устремился к «солнцу», обжегся, «упал» на землю и «разбился».

Сильфида предупреждает Михаила Платоновича, чтобы он не вспоминал «о своей грубой, презренной юдоли» и боялся человеческих соблазнов, ибо тогда он убьет и ее, и их сына «одним желанием» [Одоевский 2006: 145]. Именно на телесную природу героя и воздействуют доктор с «благоразумным» приятелем, когда находят погруженного в забытие Михаила Платоновича, всячески стараясь вывести «больного из его оцепенения и раздражить его *чувственность*» [Одоевский 2006: 145]. Физически он поправляется, но его мучит раскаяние в «убийстве» возлюбленной и сына, и еще больше утрата полноты бытия, самовыражения.

Может быть, я художник такого искусства, которое еще не существует, которое не есть ни поэзия, ни музыка, ни живопись, — искусство, которое я должен был открыть и которое, может быть, теперь замрет на тысячу веков: найди мне его! может быть, оно утешит меня в потере моего прежнего мира! [Одоевский 2006: 147], —

1 В подобном ключе прочитывает произведения Н. В. Гоголя И. А. Виноградов, в частности, «Записки сумасшедшего», см.: [Виноградов 2024a]; [Виноградов 2024b].

говорит он приятелю и обвиняет его в утилитарном воззрении на жизнь, сравнивая со столяром, который изготовил ящик, но не учел, что в него не влезают инструменты. Тогда он «обточил» их, «где выгнул, где спрямил, — они вошли в ящик и улеглись спокойно, любо посмотреть на него, да только одна беда: инструменты испорчены. — Господа! не инструменты для ящика, а ящик для инструментов!» [Одоевский 2006: 146]. В последних словах угадывается явный парафраз из Евангелия: «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2: 27).

Михаил Платонович не может примириться с земной участью человека и с неизбежностью страдания, жестокости, пошлости в мире. По-своему нежеланием примирения он предвосхищает Ивана Карамазова, который не принимает Божьего мира и не может «согласиться принять» [Достоевский 14: 214]. Ивану тоже доведется столкнуться с существом из «иного» мира, но радости ему эта встреча принесет куда меньше, чем Михаилу Платоновичу. Фантастическое и у Достоевского, и у Одоевского оказывается неизбежным «продолжением» реальности, его появление провоцируют сами герои. В обоих случаях грезы могут быть интерпретированы как сумасшествие, но это состояние — отражение человеческой души, подсознательное, обретающее плоть. С другой стороны, остается возможность и «чудесной» интерпретации, в которой фантастические образы в художественном мире произведения существуют онтологически. Как показал М. М. Бахтин, «новая позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского — это *всерьез осуществленная и до конца проведенная диалогическая позиция*» [Бахтин: 95], при которой автор не выносит окончательный суд над героем и предоставляет ему свободу высказывания. Некоторая свобода высказывания присуща и героям «Сильфиды» Одоевского, включающей письма Михаила Платоновича, его пересказ «слов» Сильфиды в отрывках, комментарии «благоразумного» приятеля и отца Катеньки. Собственно «авторского» голоса здесь нет, и хотя писательские симпатии явно на стороне страдающего Михаила Платоновича, а не «благоразумных» людей, «голос» героя не следует отождествлять с авторским, истина для которого, вероятно, где-то «посередине и выше». О «мерцании» смыслов повести говорит и заключающий ее прямой вопрос «издателя»: «Признаюсь, я ничего не понял в этой истории: не будут ли счастливее читатели?» [Одоевский 2006: 147].

Коллизии «Сильфиды» не раз потом возникнут в русской литературе и породят целый ряд своеобразных двойников Михаила Платоновича: Лугин в «Штоссе» М. Ю. Лермонтова, безымянный герой в «Призраках» И. С. Тургенева, Коврин в «Черном монахе» А. П. Чехова. Эти герои тоскуют в сугубо земном мире, жаждут выйти за рамки повседневности, в той или иной мере стремятся к открытиям и достижениям и думают, что свершают их благодаря общению с некими мистическими существами (игрой в карты с привидением за улыбку призрачной красавицы, полетами на загадочной Элис, встречами с черным монахом). Именно неудовлетворенность повседневностью провоцирует появление мистического, но во всех случаях такое «общение» оборачивается окончательной духовной, если не физической, гибелью героев, идет рука об руку с болезнью, которая, в свою очередь, играет в повествовании роль возможного рационального объяснения мистических событий.

Михаил Платонович — прямой предтеча «лишних» и других ищущих людей в русской литературе XIX в. из произведений И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, А. И. Герцена, героев которых мучит тоска по идеалу, полноте и гармонии жизни и которые то и дело впадают в крайности и идут ложным путем абсолютизации неких ложных (с точки зрения авторов) идеалов и систем. Как отмечает В. Г. Андреева, русские «писатели второй половины XIX в. прекрасно проиллюстрировали на многочисленных примерах, что случается с тем человеком, который воспринимает окружающее в свете какого-либо рационалистического перекоса, к примеру, социального или персоналистического детерминизма» [Андреева: 17], а порой, добавим от себя, и «перекоса» мистического. Недаром Ф. М. Достоевский увидел в «Призраках» Тургенева «слишком много реального», прежде всего, *«тоску развитого и сознающего существа, живущего в наше время»* [Достоевский 28. 2: 61]. Как отмечает Д. С. Барицкий, трагизм героев Тургенева из «таинственных» повестей усиливается тем, что они «ощущают в себе “тягу к небу”, свое “сродство с чем-то высшим и вечным”, одним словом, живущие в них высокие запросы духа, и мучаются от того, что не могут эти запросы удовлетворить» [Барицкий: 17].

В «Русских ночах» (особенно в «Ночи четвертой» (см.: [Сытина 2024]) и в «Эпилоге») Одоевский показывает, что корень невольной тоски и духовного кризиса современных ему людей (как русских, так и европейцев) кроется в утрате веры, в засилье материалистического или

скептического взгляда на жизнь, который выхолащивает внутренний мир человека, но не может дать ему покоя, ведь «как ни вертись, от души не отвертишься» [Одоевский 1975: 14]. Выход из кризиса писатель видит в обращении к исконным силам Славянского Востока, где веками хранится «верование в возможность счастья не одного большого числа, но в счастье *всех и каждого*» [Одоевский 1975: 182]. Фауст, а с ним и Одоевский (о чем свидетельствуют авторские подстрочные примечания-пояснения к словам героя) выступает за синтез Европы и России как материального и духовного, он обращается к Западу с призывом всмотреться в верования и характер Славянского Востока:

<...> вы поймете, отчего ваш папизм клонится к протестантизму, а протестантизм к папизму, т. е. каждый к своему отрицанию, и вы поймете, отчего лучшие ваши умы, <...> нежданно для самих себя выносят <...> те верования, которые издавна сияют на славянских скрижалях, им неведомых [Одоевский 1975: 182].

Именно восточное христианство — Православие, — по мысли Одоевского, воплощает подлинное христианство. Показательно, что в центре беседы Одоевского и Шеллинга при личной встрече были именно религиозные вопросы, а вывод из разговора с немецким философом русский писатель сделал такой: «Шеллинг стар, а то, верно бы, перешел в православную церковь» [Одоевский 1982: 142] (см. подробнее [Сытина 2022: 14–16]).

Хотя видения Михаила Платоновича во время «полета» с Сильфидой содержат немало дорогих писателю мыслей, если учитывать мировоззрение Одоевского и вероятные авторские интенции, изложенную историю нельзя интерпретировать как апофеоз побега в мечту. Такому толкованию противится и общий пафос русской культуры, который тонко почувствовал и сформулировал немецкий философ В. Шубарт: «Русский <...> догадывается, что стремление к целостности не может ограничиться только небесным или только земным — иначе произошел бы отказ от целостности» (цит по: [Андреева: 21]). Трагизм всякой односторонности, в том числе всецелого ухода в мир мечты (искусства) от насущной жизни — центральная тема «Русских ночей», в более публицистичной форме Одоевский выскажется на этот счет в очерке «Недовольно» — прямом ответе на «Довольно» Тургенева, по-своему развивающем и радикализирующем идеи «Призраков». По-

скольку «Призраки», в свою очередь, явно отсылают к «Сильфиде», то и ответ Одоевского можно небезосновательно понимать как отношение к возможности подобной интерпретации его собственной повести. Конечно, «Недовольно» (1867) и «Сильфиду» (1837) разделяют 30 лет, и мировоззрение Одоевского за это время значительно изменилось, но главные послы позднего ответа Тургеневу, безусловно, были присущи Одоевскому изначально, даже в период Любомудрия (в 1820-е гг.).

В поздний период, отходя от мистицизма и ополчаясь на католицизм¹, писатель неизменно писал о важности религии, Евангелия, Божьего промысла в человеческой жизни. Так, отзываясь в личных заметках на «Записки из мертвого дома» Достоевского, Одоевский особо выделяет «замечательное место, где автор рассказывает действие, произведенное на диких киргизов чтением нагорной проповеди из Евангелия. Тем и высоко Евангелие, что оно всякому дает сколько кто может взять (могущий вместити, да вместит)» (цит. по: [Медовой: 95]).

Для Одоевского принципиальна активная жизненная позиция человека: «Брось прохладушки — неделанного дела много» [Одоевский 1982: 120] — пишет он в ответ на пессимистичное «Довольно» и вспоминает новозаветную притчу о талантах:

Даровитая организация <...> не имеет права вкопать свой талант в землю; она должна пустить его в куплю, где бы не привелось <...> без эстетической стихии ничто не спорится; одной механикой и дельной мышеловки не состроить [Одоевский 1982: 121–122].

Первостепенная важность религии и искусства, могущество человеческого духа, «круговая порука», соединяющая людей, преемственность поколений и открытий, благая роль научно-технического прогресса, помогающего бороться с тяготами повседневности и страданием, — главные мысли «Недовольно!», наполняющие ответ Одоевского энергией жизни. Важнейшая задача человечества, по Одоевскому, — эстетическая, но обусловлена она именно верой, нераздельно связана с ней:

¹ См., например, инвективы Одоевского против католицизма и западного влияния на Россию в «Недовольно» или же позднейшие вставки в «Русские ночи» [Сытина 2022: 255].

Истоцился ли уже источник поэзии, хранящийся в недрах христианского мира? Нет! Мы еще не нашли ни словесной, ни архитектурной, ни музыкальной формы, которая бы соответствовала этому, все еще *новому* миру; везде у нас еще проглядывает язычество [Одоевский 1982: 128].

В «Недовольно» Одоевский выступает против сетований на «несчастную судьбу», которая якобы разрушает жизнь людей — виновна, согласно писателю, не «судьба», а сам человек, его лень, праздность, суеверие. Такую «отповедь» вполне мог бы получить от Одоевского 1860-х гг. и герой «Сильфиды», и хотя в 1830-е гг. писатель был более склонен к мистицизму и созерцательному философствованию, чем в 1860-е гг., но и тогда в публицистике, письмах, дневниковых заметках он исповедовал активную, деятельную позицию человека и гражданина, во многом обусловленную и евангельской притчей о талантах (см. [Сытина 2022: 18–19]).

Таким образом, в контексте творчества и мировоззрения Одоевского и магистральных путей русской культуры герой «Сильфиды» оказывается отнюдь не исключительным человеком. Его побег в мечту осмысливается как апофеоз романтического отвержения пошлой действительности во имя возвышенного и подлинного мира грез или как прорыв сквозь повседневность к подлинным ценностям и полноте бытия, но также как самообольщение, губительный самообман, забвение своего человеческого долга. При любой интерпретации фантастического в этой повести (как подлинного общения с духом воздуха, как сумасшествия или как своеобразной аллегории), авторское отношение прочитывается в черновом названии цикла: «Повести о том, как *опасно* человеку водиться с стихийными духами» (курсив мой. — Ю. С.). Побег от действительности в мечту (даже в искусство), полное отвержение повседневности, равнодушие к окружающим людям ведет человека к односторонности (как то показано в написанном еще до «Сильфиды» «Себастьяне Бахе»), и «организм страждет, ибо не *выполнил полноты* жизни» [Одоевский 1975: 180]. Безусловно ущербна для писателя и другая крайность — забвение духа и погружение в материально-практический мир (какова участь «благоразумного» приятеля и врача Михаила Платоновича). Выход из духовного тупика, в который забрел ведомый как материалистическими, так и мистическими идеями человек XIX в., Одоевский видел в вере, в традиционной для России религии и в активной деятельности на благо отечества и других людей.

Список литературы Источники

- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Жуковский В. А. Ундина // де ла Мотт Фуке Ф. Ундина. М.: Наука, 1990. С. 104–222.
- Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. М.: Русский миръ, 2006. 512 с.
- Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М.: Современник, 1982. 223 с.
- Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 320 с.
- Розанов В. В. Чаадаев и кн. Одоевский // Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. М.: Русский Миръ, 2006. С. 445–452.

Исследования

- Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: КГУ, 2016. 492 с.
- Барицкий Д. С. Христианские корни пессимизма в повестях И. С. Тургенева «Призраки» (1864) и «Довольно» (1865) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 14–18.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 416 с.
- Виноградов И. А. «Романтик» Поприщин: история замысла повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 1. // Stephanos. 2024a. № 3 (65). С. 34–70. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-65-3-34-70>
- Виноградов И. А. «Романтик» Поприщин: история замысла повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 2. // Stephanos. 2024b. № 4 (66). С. 40–75. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-66-4-40-75>
- Медовой М. И. Изобразительное искусство в творчестве В. Ф. Одоевского // Русская литература и изобразительное искусство XVIII – начала XX века. Л.: Наука, 1988. С. 84–95.
- Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход: исслед. разных лет. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2005. 207 с.
- Романова Е. А., Паришкова Н. А. «Нет! Не всё вздор в рецептах моего дядюшки» (мистико-оккультный аспект повести В. Ф. Одоевского «Сильфида») // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2021. № 2 (18). С. 31–41.
- Сытина Ю. Н. «Ночь четвертая» или сочинения Экономиста: к вопросу о жанре и художественном единстве «Русских ночей» В. Ф. Одоевского // Литературоведческий журнал. 2024. № 4 (66). С. 9–28. <https://doi.org/10.31249/lit-zhur/2024.66.01>
- Сытина Ю. Н. «Портрет» Н. В. Гоголя и “Opere del cavaliere Giambattista Piranesi” В. Ф. Одоевского: этика, эстетика, поэтика // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 162–181. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-162-181>
- Сытина Ю. Н. Творчество В. Ф. Одоевского в большом времени русской культуры. СПб.: РХГА, 2022. 336 с.

References

- Andreeva, V. G. *O natsional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka* [On the National Distinctiveness of the Russian Novel in the Second Half of the 19th Century]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016. 492 p. (In Russ.)
- Baritskii, D. S. "Khristianskie korni pessimizma v povestiakh I. S. Turgeneva 'Prizraki' (1864) i 'Dovol'no' (1865)" ["Christian Roots of Pessimism in I. S. Turgenev's Novellas 'Ghosts' (1864) and 'Enough' (1865)"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 4, 2017, pp. 14–18. (In Russ.)
- Bakhtin, M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 416 p. (In Russ.)
- Vinogradov, I. A. "‘Romantik’ Poprishchin: istoriia zamysla povesti N. V. Gogolia ‘Zapiski sumasshedshego’. Chast’ 1" ["‘Romantic’ Poprishchin: The History of Nikolai Gogol's Story ‘Notes of a Madman’. Part 1"]. *Stephanos*, no. 3 (65), 2024a, pp. 34–70. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-65-3-34-70> (In Russ.)
- Vinogradov, I. A. "‘Romantik’ Poprishchin: istoriia zamysla povesti N. V. Gogolia ‘Zapiski sumasshedshego’. Chast’ 2" ["‘Romantic’ Poprishchin: The History of Nikolai Gogol's Novel ‘Notes of a Madman’. Part 2']. *Stephanos*, no. 4 (66), 2024b, pp. 40–75. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-66-4-40-75> (In Russ.)
- Medovoi, M. I. "Izobrazitel'noe iskusstvo v tvorchestve V. F. Odoevskogo" ["Fine Art in the Works of V. F. Odoevsky"]. *Russkaia literatura i izobrazitel'noe iskusstvo XVIII — nachala XX veka* [Russian Literature and Fine Arts of the 18th — Early 20th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 84–95. (In Russ.)
- Nazirov, R. G. *Russkaia klassicheskaia literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod: issled. raznykh let* [Russian Classical Literature: A Comparative-Historical Approach: Research of Different Years]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005. 207 p. (In Russ.)
- Romanova, E. A., and N. A. Parshukova. "‘Net! Ne vse vzdor v retseptakh moego diadiushki’ (mistiko-okkul'tnyi aspekt povesti V. F. Odoevskogo ‘Sil'fida.’)" ["‘No! Not Everything in My Uncle's Recipes Is Nonsense’ (The Mystical and Occult Aspect of V. F. Odoevsky's Story ‘The Sylph’)"]. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk*, no. 2 (18), 2021, pp. 31–41. (In Russ.)
- Sytina, Iu. N. "‘Noch’ chetvertaia' ili sochineniia Ekonomista: k voprosu o zhanre i khudozhestvennom edinstve ‘Russkikh nochei’ V. F. Odoevskogo" ["‘Night Four’ or the Economist's Writings: On the Genre and Artistic Unity of V. F. Odoevsky's ‘Russian Nights.’"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4 (66), 2024, pp. 9–28. <https://doi.org/10.31249/lit-zhur/2024.66.01> (In Russ.)
- Sytina, Iu. N. "‘Portret’ N. V. Gogolia i ‘Opere del cavaliere Giambattista Piranesi’ V. F. Odoevskogo: etika, estetika, poetika" ["N. V. Gogol's ‘Portrait’ and V. F. Odoevsky's ‘Opere del cavaliere Giambattista Piranesi’: Ethics, Aesthetics, Poetics"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 1, 2025, pp. 162–181. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-162-181> (In Russ.)
- Sytina, Iu. N. *Tvorchestvo V. F. Odoevskogo v bol'shom vremeni russkoi kul'tury* [The Works of V. F. Odoevsky in the Great Time of Russian Culture]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2022. 336 p. (In Russ.)